ЕЛАНЦЕВА Ольга Павловна

Доктор ист. наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток)

Электронная почта: elantseva.op@dvfu.ru

«... Я ехал сюда вновь работать и делать дело...»: из эпистолярного наследия первого директора Восточного института А. М. Позднеева

378.(571.6)

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/123-132

В материале сделан акцент на организации Восточного института во Владивостоке. Впервые для публикации предложены письма директора этого вуза А. М. Позднеева (1899–1903) своему коллеге по Императорскому Санкт-Петербургскому университету, профессору И. В. Помяловскому и непосредственному начальнику, Приамурскому генерал-губернатору Н. И. Гродекову. Корреспонденция воссоздает колорит той далёкой эпохи, позволяют увидеть непомерно тяжёлый труд, выполненный коллективом нового востоковедческого учреждения во главе с А. М. Позднеевым.

дальневосточная
школа русского
востоковедения,
Восточный институт
во Владивостоке,
А. М. Позднеев,
эпистолярное наследие

*120-летию высшего востоковедческого
образования на российском Дальнем Востоке
посвящается*

В архивах и библиотеках России сохранились документы личной и официальной переписки Алексея Матвеевича Позднеева, доктора монгольской словесности, профессора Императорского Санкт-Петербургского университета. Во второй половине 1890-х годов он участвовал в работе межведомственной министерской комиссии по подготовке проекта нового востоковедческого вуза на востоке страны, а с 1899 г. по 1903 г. являлся его директором.

В данной публикации приводятся два письма, оба – из солидного эпистолярного наследия А. М. Позднеева. Одним из его адресатов был коллега, профессор столичного университета Иван Васильевич Помяловский¹, а другим являлся Приамурский генерал-губернатор Николай Иванович Гродеков², как замечал А. М. Позднеев, «единственный и компетентный судья всей моей указанной деятельности» во Владивостоке. Документы отделены друг от друга двумя годами: октябрь 1900 г. – октябрь 1902 г. Оба письма – рукописные подлинники, составленные во Владивостоке, что подтверждают пометы в текстах самого А. М. Позднеева.

Сегодня о начальной истории Восточного института имеется определённая литература [1; 2; 3; 6; 7; 8 и др.], подготовленная при опоре на официальные исторические источники. Документы личного происхождения, в данном случае письма А. М. Позднеева, почти не введены в научный обо-

¹ Помяловский Иван Васильевич (1845–1906) – филолог-классик, археолог, чл.-корр. Петербургской академии наук; профессор Петербургского университета и декан историко-филологического факультета; член учёной комиссии Министерства народного просвещения (1884–1906).

² Николай Иванович Гродеков, Приамурский генерал-губернатор (1898–1902). Его «начальствование» краем хронологически почти совпадает со временем, когда А. М. Позднеев был директором Восточного института (1899–1903).

Для цитирования:
Еланцева О. П. «... Я ехал сюда вновь работать и делать дело...»: из эпистолярного наследия первого директора Восточного института А. М. Позднеева // Известия Восточного института. 2019. № 3. С. 123–132. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/123-132

рот, хотя именно они позволяют увидеть процесс создания вуза во Владивостоке с несколько иной точки зрения и определить, как этот процесс отражался на людях.

Интересно, что в письмах имеются отступления от сугубо делового характера. К таковым принадлежит, например, тот сюжет в корреспонденции, в котором Алексей Матвеевич делился с И. В. Помяловским результатами, достигнутыми Восточным институтом, и одновременно ждал от него «слова и заключения о работе». «Не щадите, – подчёркивал автор письма, – бичуйте все, что Вам не нравится, только не откажите при этом в добром совете». Здесь же содержится «усердная просьба» к адресату посодействовать зачёту в педагогический стаж А. М. Позднеева времени его нахождения в первой командировке в Монголии (1876 г.). И в заключении письма: «Вообще Вы глубоко обязали бы меня, если бы сообщили мне, забыли ли [в Санкт-Петербурге] обо мне совершенно, или еще хуже, не поносят ли мое имя яко зло...».

В пространном послании Н. И. Гродекову А. М. Позднеев в определённой степени подводит итоги своей трёхлетней деятельности во главе Владивостокского вуза. Можно предположить, что для Алексея Матвеевича важно было не только донести обобщающую информацию до Приамурского генерал-губернатора, но и самому ещё раз продумать и взвесить очень важный для него этап жизни и работы, иными словами, обосновать следующую свою просьбу к Н. И. Гродекову: «... я решаюсь покорнейше просить ходатайства об освобождении меня от службы при Восточном институте. Я не искал этого места и принял его ... в сознании, что Институт нужен России и что его необходимо устроить и сделать этого было некому. Я положил свои силы для пользы Правительства и родины и теперь прошу об одном: пощадите, не сокращайте мою жизнь! Я прошу освободить меня из любви к самому Институту».

Публикуемые письма позволяют очертить, уточнить образ Позднеева-труженика, бесконечно много сделавшего для организации работы первого высшего учебного заведения на российском Дальнем Востоке – Восточного института во Владивостоке, в полном четырёхгодичном цикле его функционирования: от набора студентов и слушателей до выпуска подготовленных специалистов.

№ 1

**Письмо Алексея Матвеевича Позднеева профессору
Императорского Санкт-Петербургского университета Ивану
Васильевичу Помяловскому**

31 октября 1900 г., Владивосток

Высокочтимый и дорогой мой Иван Васильевич!

[В начале письма Алексей Матвеевич Позднеев приносит извинения за долгое молчание и объясняет] «только за перо не мог взяться и это главным образом потому, что хотелось поделиться всем, случившимся со мною, а оно оказалось почти невозможным за обилием событий и материала для письма.

По прибытии во Владивосток я в первый раз в жизни столкнулся здесь с нашими коммерческими дельцами и культур-трегерами³. Это была самая тяжелая для меня пора. В прошлом году я описал ее Н. И. Веселовскому⁴, прося его собрать всех моих близких и прочитав это письмо, но он почему-то не мог сделать этого, а теперь мне уже и вспоминать о том не хочется; скажу только, что много было проведено и бессонных ночей и терзавших своими мерзостями душу дней, – а поседел и состарился я в каких-нибудь два месяца так, как, вероятно, не успел бы сделать этого в П[етер]бурге и в два года. Теперь все это понемногу приходит в норму: пиявки сами собою отпадают и хоть не ахти какой бальзам врачует укушенное место, однако все льется на него животворная влага. Так-то вот.

Измучила меня да и теперь еще продолжает мучить собственная хозяйственная часть; что касается учебно-воспитательной постановки Института, то с нею познакомит Вас прежде всего прилагаемый первый том наших «Известий»⁵. В извинение его несовершенства скажу Вам, что писался он в ту пору, когда Институт последовательно переходил от небытия к неустройству, проживал на бивуках и засим постепенно упорядочивал свою жизнь и деятельность. Ученых исключительно по Востоку, как видите, никаких нет, да и быть не могло; по книжке можно познакомиться лишь с тем, что было предпринято, чтобы провести ново учрежденное учебное заведение к наиболее совершенному достижению поставленной ему задачи.

От Вас, дорогой мой Иван Васильевич, я прежде всего жду слова и заключения о моей работе. Не щадите, бичуйте все, что Вам не нравится, только не откажите при этом и в Вашем добром совете; мне легче вынести всякую боль, чем допускать длиться какому-либо несовершенству, – *я ехал сюда вновь работать и делать дело; в успехе его – все мое удовлетворение, – иначе и страдать незачем [выделено нами — О. Е.]*. Но возможно ли это хотя бы приближение к совершенству, если все приходится делать самому, не имея возможности с кем либо обдумать свои предположения и посоветоваться? Я вновь один, – один, поймите это! Слова сказать не с кем и в этом основная тяжесть положения.

Иstekший год у меня было только три так называемых профессора; но один из них юрист Таберио⁶ – первостепенный лодырь, – которому до пользы и чести Института решительно нет никакого дела; китаист Шмидт⁷ – тупейший, хотя и очень рабо-

³ Культур-трегер (нем. Kultur-trager) – империалист-колонизатор, порабащивший остальные народы под прикрытием насаждения культуры. Судя по сохранившимся документам, к таким людям А. М. Позднеев относил Адольфа Васильевича Даттана – немецко-русского предпринимателя, совладельца крупного торгового дома Кунст и Альберс во Владивостоке, одно время являвшегося попечителем Восточного института. В письме Н. И. Гродекову А. М. Позднеев подчеркивает, что к Даттану нужно относиться «с приласканием»; он подарил интернат Восточному институту (ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 111 об.).

⁴ Веселовский Николай Иванович (1848–1918), археолог, востоковед, исследователь истории и археологии Средней Азии; с 1878 г. по 1918 г. работал на кафедре истории Востока историко-филологического факультета Санкт-Петербургского; с 1890 г. по 1903 г. – ординарный профессор, с 1903 г. – почётный профессор.

⁵ Речь идёт о первом томе «Известий Восточного института» [4].

⁶ Таберио Николай Петрович (1868–?), окончил юрфак Санкт-Петербургского университета в 1894 г.; в 1899 г. служил делопроизводителем в министерстве народного просвещения (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26899. Л. 72; Д. 8192. Л. 152 об.). Вполне вероятно, что А. М. Позднеев пригласил Н. П. Таберио, как и некоторых других выпускников вуза, во Владивосток, в открываемое там учебное заведение. Н. П. Таберио очень непродолжительное время преподавал в Восточном институте юридические дисциплины.

⁷ Шмидт Петр Петрович (1869–1938), в 1896 г. окончил Императорский Санкт-Петербургский университет, на три года был командирован в Китай; с 1899 г. по 1920 г. – профессор Восточного института, востоковед, этнограф. А. М. Позднеев, давая негативную оценку П. П. Шмидту, ошибался. П. П. Шмидт первым из молодого преподавательского состава Восточного института защитил магистерскую диссертацию (1902). Его учебники и учебные пособия, в том числе «Опыт мандаринской грамматики...» [5] вплоть до 1930-х годов включительно использовались при подготовке китаистов.

⁸ Рудаков Аполлинарий Васильевич (1871–1949), в 1896 г. окончил Императорский Санкт-Петербургский университет, вместе с П. П. Шмидтом на три года был командирован в Китай; с 1899 г. по 1939 г. профессор китайской словесности Восточного института, затем ДВГУ; в 1906–1917 гг. директор Восточного института. В 1903 г. защитил магистерскую диссертацию.

⁹ Подставин Григорий Владимирович (1875–1924), с 1900 г. по 1922 г. профессор корейской словесности в Восточном институте, затем в ГДУ.

¹⁰ Спальвин Евгений Генрихович (1872–1932), с 1900 г. по 1925 г. профессор японской словесности в Восточном институте, затем в ГДУ.

¹¹ Ежемесячно 20-го числа выдавалась зарплата вузовским работникам.

тящий немец, еле владеющий русским пером, имеющий особенную страсть к китайским писателям, жившим не менее как за 11/2 тысячи лет до Р[ожества] Х[ристов]а, да и еще к сравнительному языкознанию и выводящий посему самые невозможные законы развития человеческой речи; наконец китаист Рудаков⁸ – единственный человек, с которым можно было хоть что-нибудь делать; но это опять-таки чистейший ребенок, прямо со студенческой скамьи уехавший в Китай и не имеющий никакого понятия о жизни. В нынешнем году я счастлив, потому что ко мне приехали два и дельных, и работающих парня: кореелог Подставин⁹ и японолог Спальвин¹⁰. Инициативы и дельной практики у них, конечно, мало; но по крайней мере толковые исполнители, а следовательно, в свою пору, будут и людьми. Второй том «Известий Восточного института» мы представим Вам и с учебными, если не с научными работами.

Что до жизни домашней и материальной, то она идет по старому хорошо. Знакомые нашлись и здесь и также собираются ко мне раз в неделю, по воскресеньям. Жизнь (за исключением настоящего, военного времени) в общем не особенно дорога. [Тем] не менее я проживаю решительно все, что получаю и в этом отношении разница от Петербурга только в том, что живешь спокойнее, обеспеченнее и не приходится думать о том, что пожалуй, не хватит до 20 го числа¹¹. Большого мне, впрочем, ничего и не нужно: оставлять некому, а в гроб не положишь. Жена? Но много ли ей одной нужно, во-первых, а во-вторых, я начинаю о ней уже заботиться, из чего вытекает моя усердная просьба к Вам.

Дело в том, что 26-го апреля 1901 года истекает 25 лет со времени первой командировки моей в Монголию и получается в некотором роде 25 летний юбилей моей службы, если только мое пребывание за границей зачтут мне в учебную службу. Об этом-то зачете возбудил я теперь ходатайство и усердно прошу Вас последить за его судьбою, а если признаете возможным, то и посодействовать его удовлетворению. Вообще Вы глубоко обязали бы меня, если бы сообщили мне, забыли ли обо мне совершенно, или еще хуже, не поносят ли мое имя яко зло, – угодить ведь Министерству не особенно легко. Уповаю на то, что забыли, хотя теперь вот с появлением первого тома вспомнят опять невольно.

Сердечно прошу Вас сказать, что услышите хорошего или дурного и будут ли довольны моею деятельностью, которая теперь более или менее делается ясной.

Жена шлет Вам глубокий поклон, равно как и уважаемой Екатерине Михайловне, у которой я целую руку. Примите мою сердечную любовь и дружественные пожелания всяких благ от Господа.

Душою преданный Вам
А. Позднеев

Российская Национальная библиотека.
Ф. 608.Оп. 1. Д. 1132. Л. 14–16 об.

№ 2

Письмо Алексея Матвеевича Позднеева Приамурскому генерал-губернатору Николаю Ивановичу Гродекову

9 октября 1902 г., Владивосток

Милостивый государь,
Николай Иванович

Позволю себе в последний раз в границах Приморской области доложить Вашему Высокопревосходительству о немногочисленных текущих событиях институтской жизни и вместе изложить свою покорнейшую просьбу.

Самым крупным, выдающимся фактом было у нас за это время посещение Института С. Ю. Витте¹². Его Высокопревосходительство пробыл в Институте более часа и обошел почти все здание, видел все наши недостатки помещения в смысле его тесноты, но о крыше я забыл доложить, а результатов ее неисправности он, кажется, не заметил: правду сказать, мне не до того было, чтобы говорить об исправляющейся уже крыше, – важнее было показать научную обстановку Института – библиотеку, музей и архивы. Само собою разумеется, – бедность и теснота не могут положить хорошего впечатления; за всем тем министр не вынес, по-видимому, и дурного о нас понятия. Обходя здание, он спросил меня, – успел ли я здесь привыкнуть, на что я отвечал, что уже сделал заявление Зенгеру¹³ о трудности продолжать для себя службу во Владивостоке.

На вопрос почему мне пришлось объяснить тяжесть условий здешней жизни, в силу главным образом малонаселенности и некультурности края. Действительно, кого винить в моих терзаниях о том, что ремонт крыши не производился, что пароход, доставляющий железо, потерпел аварию и прибытия новых заказов пришлось ожидать целые три месяца?

Кого винить в последствиях, которыми сопровождалась эта неисправность крыши? Кого винить в том, что открывшийся учебный год я начал без эконома¹⁴, которому министерство долго не высылало прогнозов¹⁵ и в результате экономом мой, назначенный в июле, прибыл лишь 2-го октября, а между тем из-за этого мне пришлось самому думать даже о кормлении студентов¹⁶.

Кого винить в том, что профессор исторических наук Кюннер¹⁷ и преподаватель Цыбиков¹⁸ не назначены еще и доселе, а потому лекции их приходится читать мне, имея 28 недельных часов в аудиториях? Нельзя же в самом деле бросить дело!

Кого винить в том, что дней пять тому типография «Восточного Вестника» уведомила меня, что она прекращает свое дело, а потому нам приходится переносить издание своих «Известий» в другую, отыскивать ее, а главное – перемещать массу наших восточных шрифтов? Это будет страшный труд!

Больше всего дает мне знать себя своею непорядочностью гимназия, но разве возможно изменить кедровливански¹⁹ и котельниковых²⁰, все помыслы коих воспитывались на стремление к наживе? Истинно говорю, они больше чем кто-либо и что-либо довели меня до неврастения, ибо нет ничего ужаснее пассивного противодействия: сделанное замечание покорно выслушивается, а завтра опять тоже с удивительными последовательностью и хлад-

¹² Витте Сергей Юльевич (1849–1915), российский государственный деятель, министр финансов (1892–1903).

¹³ Зенгер Григорий Эдуардович (1853–1919), филолог-классик, ректор Императорского Варшавского университета, министр народного просвещения (1902–1904).

¹⁴ Должность эконома была предусмотрена штатным расписанием Восточного института. Экономом вел хозяйство в интернате при вузе.

¹⁵ Прогнозы – в Российской империи плата за проезд на почтовых лошадях и по железным дорогам офицеров и чиновников.

¹⁶ Имеются в виду студенты, проживавшие в интернате при Восточном институте.

¹⁷ Кюннер Николай Васильевич (1877–1955), в 1900 г. окончил Петербургский университет, с 1902 г. по 1925 г. – профессор Восточного института, затем ГДУ. В 1909 г. защитил магистерскую диссертацию по кафедре истории.

¹⁸ Цыбиков Гомбожаб Цэбекович (1873–1930), в 1899 г. окончил Петербургский университет; с 1902 г. преподавал в Восточном институте во Владивостоке.

¹⁹ Кедровливанский Александр Георгиевич (1862–1945) преподавал латинский и греческий языки в мужской гимназии во Владивостоке.

²⁰ Котельников, преподаватель мужской гимназии во Владивостоке.

²¹ Боголепов Николай Павлович (1846–1901), правовед-цивилист, ректор Московского университета, министр народного просвещения (1898–1901).

²² Островский Михаил Николаевич (1827–1901), российский государственный деятель, министр государственных имуществ (1881–1892). В письмах П. А. Дмитриевскому А. М. Позднеев отмечал, что в 1889 г. «был занят работой Министерства Государственных имуществ, которое решило преобразовать калмыцкие училища Астраханской губернии»; летом оно командировало туда А. М. Позднеева (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 17).

нокровием. Но и дошедши до неврастения, я все же буду говорить, что если в Приамурье не будет учреждено учебного округа с попечителем во главе, то польза дела требует именно полного применения к Владивостокской гимназии устава Филологического Института, ибо здесь необходим надзор самый постоянный, неукоснительный и возможно постепенный.

При личном представлении Вашему Высокопревосходительству я докладывал вам о своем частном, семейном горе, – вдовстве сестер. Оно мучительно гнетет мою душу, но все же не так, как служба во Владивостоке, где один месяц я уже настолько издергался, что, по собственному сознанию, даже в настоящую пору мало пригоден для дела. Вот почему я решаюсь покорнейше просить ходатайства Вашего Высокопревосходительства об освобождении меня от службы при Восточном институте. Я не искал этого места и принял его по предложению незабвенного для меня Николая Павловича Боголепова²¹ в сознании, что Институт нужен России и что его необходимо устроить и сделать этого было некому. Я положил свои силы для пользы Правительства и родины и теперь прошу об одном: пощадите, не сокращайте мою жизнь! Я прошу освободить меня из любви к самому Институту, ибо здесь, по местным условиям, необходима самая напряженная деятельность бодрых, не знающих усталости, самоотверженных сил.

Это не то, что в России. Наши ректоры и директора не имеют даже и понятия о той жизни, какую приходится вести здесь и трудно представить, чего только не случилось мне здесь делать, или с какими вопросами ко мне ни обращались. Ведь наши эконоы приходят спрашивать, где положить спать прачку, как подыскать телегу для вывоза нечистот и пр. Это покажется смешно, но все это факты и на все это нужно отвечать, ибо иначе все пойдет вверх дном. Пощадите же меня! Четыре года такой службы через чур достаточный срок. Сергей Юльевич [Витте] сам вызвался быть мне полезным и обещал поговорить обо мне с Зенгером, но что он будет говорить, – я не знаю.

Конечно, тяжело мне будет уйти в полную отставку, ибо у меня немало сил и знаний, которыми я мог бы быть полезным правительству; но с другой стороны, мне было бы тяжело и удалиться от своей специальности или понизиться в высоко ценимом мною служебном ранге, а при этих условиях соответственных движений для меня в Министерстве народного просвещения очень немного: директорство Лазаревского института в Москве да попечительство – сибирское и оренбургское. Так как места эти заняты, то остается только Совет министра и казалось бы, что последнее было для меня наиболее возможным и удобным, ибо здесь я действительно мог бы с пользою служить своими знаниями Востока по всякого рода министерским и общегосударственным вопросам.

С другой стороны, при помянутом назначении я, проживая в Петербурге, может быть был бы снова счастлив служить Вашему Высокопревосходительству, так как работая у покойного Михаила Николаевича Островского²², я привык уже собирать литературные справки и писать заключения и записки по делам, входящим на рассмотрение Государственного Совета.

Средств больших я никогда не имел и привык довольствоваться средним достатком, а потому, не ища даже содержания члена Совета,

я всецело удовлетворился бы несколько усиленной пенсией, хотя бы в размере 3500 рублей, которая была бы для меня, право же, вполне заслуженной наградой. Должности директора института присваивается право на пенсию по выслуге 25 лет – в 2500 руб., а по выслуге 30 лет – в 4500 р. Я начал свою службу с 25 апреля 1876 года, т. е. почти 27 лет, а потому прибавка будет иметь основание, даже и по времени, а засим она будет понятна каждому, кто только захочет подумать, что значит обосновать во Владивостоке высшее учебное заведение, когда для этого не дано ровно ничего, помимо четырех покрытых стен здания, представляющего собою сарай без окон, дверей и даже лестниц. Вашему Высокопревосходительству более чем кому-либо известно, и больше чем всякий другой Вы можете свидетельствовать, что именно в таком виде нашел я Восточный институт три года тому назад.

Теперь у меня четыре курса с 13 ю отделениями, аудитории снабжены всем необходимым, равно размещены по возможности и институтские учреждения, но смею сказать, что не только внешняя, а даже и внутренняя жизнь Института созданы мною. Институтский устав указал этому учреждению быть первым в России учебным заведением, преследующим практические цели в изучении Востока, однако пособий для себя у нас не было совершенно, не говоря о том, что такие языки, как корейский или японский никогда не преподавались в России, даже такие предметы, как история или география Дальнего Востока, политическая организация восточных государств, их право, учение об их промышленности и торговле – все это было для нас совершенной новизной.

Что же было мне дано к удовлетворению? В первый год два профессора, в виде еле сошедших со студенческой скамьи 24-х летних юношей, которых еще самих нужно было учить работать. И всякий знает, что в ту пору, как мне нужно было устраивать здание Института и его библиотеку и все другие учреждения, эти профессора только писали у меня свои лекции, да каждый вечер читали на моей квартире и выслушивали мои замечания на то, что должны они были на другой день провозглашать с кафедры в аудиториях.

На следующий год новая прибавка таких же юнцов-профессоров с удвоенной работой над ними. И так прослушивается у меня ныне последний четвертый курс; ужели же после сего не могу я сказать, что внутренняя жизнь института созданы мною?

Чтобы облегчить дело молодежи, я сам, не будучи обязан, *бесплатно читал целые курсы сначала по истории и географии, а засим по монгольскому и маньчжурскому языкам, в частности же приходилось замещать и китайского преподавателя.* Подготавливая свое отступление, я последовательно расширял круг преподавания молодежи и когда специально читаемые ими курсы были подготовлены у них в основе, я вводил их в другой предмет, то есть два последних года я читал сам все монгольские и маньчжурские лекции; с нынешнего же года я ввожу в чтение маньчжурских лекций Рудакова, а преподавание монгольского языка разделяю с Цыбиковым, оставляя себе лишь полагать основу студенческих знаний, то есть первые два курса, и я не сомневаюсь, что с будущего года они будут в состоянии заменить меня в означенных областях, – нужно будет только готовиться к лекциям, а готовиться есть по чему.

Библиотека Института за три года доведена до 44000 томов. Израсходовано на нее 24 000 рублей, а стоит она около 250 000 [руб.], не включая сюда, конечно, бесценных маньчжурских архивов. Это собрано путем пожертвований, равно как тем же путем устраивается и торгово-промышленный музей.

Для институтских изданий заведено самое трудное – восточные шрифты, и мы можем теперь печатать на языках: китайском, монгольском, маньчжурском, японском, корейском, тибетском и калмыцком.

Обосновано и самое издание в виде «Известий Восточного института». При таких расходах специальные средства Института в настоящую минуту исчисляются в сумме 46 920 р[уб.]. Правда, большая часть этих средств – именные стипендии заслуженных деятелей. Я благоволю перед их именами, однако, чтобы обосновать при Институте их стипендии, мне все же приходилось не только подавать мысль, а даже самому ездить за сбором подписей и денег. По моей инициативе Институт получил 150 десятин земли, устроено «Общество вспомоществования недостаточным студентам» и обоснованы дешевые студенческие квартиры.

О внешней деятельности Института говорить не стану: необходимость вспомоществовать правительству своими знаниями я всегда старался внушить своей молодежи.

Ваше Высокопревосходительство – *единный свидетель и компетентный судья всей моей указанной деятельности*, будучи же призваны к верховному управлению делами государства, не откажите мне в милости – подумать о моей судьбе. Ваше слово Зенгеру устроить меня членом Совета, хотя бы на указанных мною условиях; не признаете Вы меня полезным для сего, не откажите в Вашем содействии мне при получении пенсии при выходе в полную отставку.

С чувством беспредельного уважения и преданности имею честь пребывать всегда и всем сердцем Вашему Высокопревосходительству преданным слугою

А. Позднеев.

Государственный Исторический Музей
(г. Москва). Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 195–198.

Литература

1. Георгиевская Е. А. Становление и развитие дальневосточного центра востоковедения (1899–1939 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 1994. 30 с.
2. Дальневосточный государственный университет. История и современность, 1899–1999 / [Э. В. Ермакова, Г. С. Куцый, Е. П. Володарская и др.; ред. кол.: В. И. Курилов (гл. ред.) и др.]. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 703 с.
3. Еланцева О. П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке // Гуманитарный вектор, 2012. № 2 (30). С. 132–142.
4. Известия Восточного института. Т. I. / под ред. А. М. Позднеева. – Владивосток: Типография т-ва Сущинский и Ко, 1900. 156 с.
5. Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений: пособие к изучению разговорного китайского языка Пекинского наречия / П. П. Шмидт. – Владивосток : Тип. Т-ва Сущинский и К', 1902. VIII, 106, 208 с.
6. Серов В. М. Становление Восточного института (1899–1909 гг.) // Известия Восточного института, 1994. № 1. С. 14–36.
7. Трубоч О. А. Государственная политика в области востоковедческого обра-

зования на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2018. 21 с.

нователь Восточного института во Владивостоке // Известия Восточного института, 1994. № 1. С. 37–47.

8. Хохлов А. Н. А. М. Позднеев – ос-

Olga P. ELANTSEVA

Ph. D. (in History), Professor, Department of History and Archaeology, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

“... I Was Coming Here Again to Work and Do Business...”: from the Epistolary Heritage of the First Director of the Oriental Institute A. M. Pozdneyev

378.(571.6)

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/123-132](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/123-132)

The article focuses on the formation of a fundamentally new higher education institution in the Far East of the Russian Empire. This was the Institute of Oriental Studies in Vladivostok. It is the first time that the letters of the Director of this Institute Alexei Matveyevich Pozdneyev (1899–1903) to his colleague at the Imperial St. Petersburg University, Professor I. V. Pomyalovsky, and to his immediate superior, Priamursky Governor-General N. I. Grodekov are given for publication. The correspondence recreates the flavor of the local situation, which caused a moral and psychological shock to A. M. Pozdnev. The content of the letters allows seeing and appreciating the hard work done in the shortest possible time by the staff of the Institute of Oriental Studies headed by Professor A. M. Pozdneyev. They completed the construction of the educational building, formed the teaching staff, speaking Chinese, Korean, Japanese and other Oriental languages. All of them had knowledge about the countries of Asian East. The teaching staff organized the educational process and scientific research, as well as created a library and information base. They developed dozens of new lectures and practical courses, not previously taught at any of the Russian universities. So, they implemented numerous assignments of the central and regional authorities.

A. M. Pozdnev, epistolary heritage, Oriental Studies Institute in Vladivostok, history of Russian oriental studies

For citation: Elantseva O. P. “... I was coming here again to work and do business...”: from the epistolary heritage of the first director of the Oriental Institute A. M. Pozdnev // Oriental Institute Journal. 2019. № 3. P. 123–132. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/123-132](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/123-132)

References

1. Georgievskaya E. A. Stanovlenie i razvitie dal'nevostochnogo tsentra vostokovedeniya (1899–1939 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Vladivostok, 1994. 30 s.
2. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. Istoriya i sovremennost', 1899–1999 / [Eh. V. Ermakova, G. S. Kutsyj, E. P. Volodarskaya i dr. ; red. kol.: V. I. Kurilov (gl. red.) i dr.]. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. 703 s.
3. Elantseva O. P. «Sovershenno novoe uchrezhdenie i neizvedannoe delo»: k istorii stanovleniya Vostochnogo instituta vo Vladivostoke // Gumanitarnyj vektor, 2012. № 2 (30). S. 132–142.
4. Izvestiya Vostochnogo instituta. T. I. / pod red. A. M. Pozdneeva. – Vladivostok: Tipografiya t-va Sushhinskij i Ko, 1900. 156 s.
5. Opyt mandarinskoj grammatiki s tekstami dlya uprazhnenij: posobie k izucheniyu razgovornogo kitajskogo yazyka Pekinskogo narechiya / P. P. SHmidt. – Vladivostok : Tip. T-va Sushhinskij i K', 1902. VIII, 106, 208 s.
6. Serov V. M. Stanovlenie Vostochnogo instituta (1899–1909 gg.) // Izvestiya Vostochnogo instituta, 1994. № 1. S. 14–36.
7. Trubich O. A. Gosudarstvennaya politika v oblasti vostokovedcheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Vladivostok, 2018. 21 s.
8. KHokhlov A. N. A. M. Pozdneev – osnovatel' Vostochnogo instituta vo Vladivostoke // Izvestiya Vostochnogo instituta, 1994. № 1. S. 37–47.